

*Маргарита Надель-Червиньска**

РУССКАЯ ПАРЕМИЯ: ДЕРИВАТИВНЫЕ ФОРМЫ ТРАДИЦИОННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В польской традиции под **деривацией** (от лат. *derivatio* ‘odwrócenie biegu (wody)’)¹ принято понимать а) «tworzenie wyrazów pochodnych od wyrazu podstawowego, dokonywane zwykle za pomocą dodawania przyrostków i przedrostków lub przez odrzucenie części wyrazu», б) «w gramatyce generatywnej: rozwijanie zdania» (USJP 2005). В русском языкознании «Деривация (от лат. *derivatio* – отведение; образование) – процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае – путем «расширения» корня за счет аффиксации или словосложения, в связи с чем приравнивается иногда к словопроизводству или даже словообразованию» (ЛЭС 1990: 129).

Однако здесь же, в лингвистическом словаре под ред. В. Н. Ярцевой, оговорено, что существует и более широкий взгляд на деривацию. Она понимается «как обобщенный термин для обозначения словоизменения (*inflection*) и словообразования (*word-formation*) вместе взятых, либо как название для процессов (реже результатов) образования в языке любых вторичных знаков, в т. ч. предложений (см. знак языковой)» (ЛЭС 1990: 129). При этом новообразованные языковые знаки могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исходные, или же могут быть выведены из них путем применения определенных правил, операций.

Для нашей статьи актуально, прежде всего, второе, более широкое понимание деривации, поскольку рассматриваем мы именно языковые знаки русского языка – предложения-паремии, а также значимые единицы-конструкты, их составляющие (как *языковые* знаки второго порядка)¹. Функционируя сегодня в живом современном языке, знаки эти, предложения-паремии и их составляющие, одновременно остаются реликтами

* Силезский университет.

¹ В работе мы следуем, в частности, методам анализа и описания предложения-высказывания, используемым в работах Е. В. Падучевой (Падучева 1977; 1966; 1973; 1967; 1985).

некой застывшей во времени и вне времени национальной народной культурно-языковой формации, которую можно определить как семантический язык фольклора.

При этом язык фольклора представляет собой определенную стройную метазнаковую систему надвербального уровня, в основе которой заложена архаика мифологических представлений культурно-национального социума. Для этой системы важны не столько лексемы, используемые для создания и организации **традиционного текста**² (традиционного = фольклорного), сколько их семантическое наполнение в метаязыковом контексте фольклора.

Такое семантическое наполнение конкретной лексемы можно определить как метаязыковой традиционный смысл. Причем он актуален только в контексте фольклорной традиции, его же можно принять за элементарную единицу метаязыка фольклорной традиции, или собственно мифологического. А также за элементарную единицу языка фольклора, реализуемого в традиционных текстах. Тем самым невербальное (мифический смысл как метазнак³) реализуется на уровне языка фольклора в вербальное (лексемы традиционного репертуара⁴). Именно поэтому язык фольклора следует определять как язык семантический (Червинский 1989).

Одновременно с тем, что язык фольклора представляет собой определенную метазнаковую систему, он же представляется довольно жесткой структурой вербального уровня. Ведь он отражает не современное состояние речевого дискурса, а сохраняет и передает достаточно древние коммуникативные формы, нередко облеченные при этом в застывшие традиционные формулы. Именно такими представляются тексты-пословицы. И, в нашем случае, язык фольклора передает архаику высказываний-паремий – в их синтаксисе, логике и семантике.

Рассматривая русскую паремию как высказывание на языке фольклора, как показывает анализ совокупности данных традиционных текстов, можно выявить, с одной стороны, некоторое число инвариантов пословичных текстов, с другой же – определить и описать деривативные формы каждой такой пословицы-инварианта. Однако сложность заключается в том, что паремия является языковым знаком – предложением либо частью предложения, завершенным либо незавершенным высказыванием. А потому за инвариант мы можем принимать, в целях анализа последующих дериваций, различные вербальные аспекты одного и того же высказывания.

² А число их в каждом национальном языке фольклора всегда ограничено до определенного репертуара.

³ Его мы определяем также в других работах как *традиционный смысл* и элементарную единицу *метаязыка фольклорной традиции*.

⁴ Их мы определяем как *вербализованные реализации* каждого *традиционного смысла* в контексте фольклорно-языкового ощущения национального социума.

Таким образом, для **текстов-паремий** возможно выделить деривации: 1) синтаксические, 2) грамматические, 3) семантические, 4) стилистические, 5) лексические, а также 6) смешанного типа.

1. Синтаксические деривации. Их следует рассматривать на материале паремиологического фонда как «процессы (а затем результаты) образования вторичных (языковых) знаков» (ЛЭС 1990: 129) в языке фольклора, предложений или же устойчивых словосочетаний.

Процессы эти в данном случае могут быть не только различными, но и разнонаправленными. Поскольку деривации синтаксического типа в русском паремиологическом фонде наиболее сложны, на наш взгляд, для выделения и типологического описания (как следствие обманчивого сходства различных инвариантов), то на этих дериватах остановимся здесь несколько подробнее. Обратим внимание также на то, что каждому инварианту соответствует в традиции целый ряд пословичных единиц, и каждая из тех единиц-пословиц имеет варианты – либо синтаксические (1), либо грамматические (2), либо семантические (3), либо стилистические (4), либо лексические (5), а чаще всего смешанного типа (6).

1.1. Возможны, например, письменные варианты-записи одного и того же устного варианта (как процесс фиксации паремии собирателем или разными собирателями). Представим ниже схематически инвариант-1: $A \leftarrow B$.

Одна и та же паремия при этом может в письменной записи иметь несколько графических (синтаксических) вариантов. В пример приведем два таких *текста-варианта*:

- 1) *Подбери губы-те, (A) ← городничий едет. (B)*
- 2) *Подбери губы-те: (A) ← городничий едет. (B)*

Обе в значениях «полно дуться, сердиться», а также «спрячь-ка свой норов, не показывай характер, обуздай-ка излишний гонор». Поскольку оба варианта текста зафиксированы В. И. Далем, то он, очевидно, пытался передать возможные семантические оттенки высказывания. Назовем их условно контекстуально-интонационные (в случае этой конкретной пословицы). Во втором варианте, за счет такого знака как двоеточие, усиливаются причинно-следственные отношения двух частей высказывания. Первый же вариант тяготеет к одновременности действий: *подбери, едет*.

Если бы нашелся третий вариант, где обе части высказывания разделяло тире, то такой синтаксический дериват фиксировал бы на письме последовательность действий: *(уже) подбери – (вот-вот) едет*. Но тогда бы, при полной идентичности вербальной формы пословицы, мы имели бы дело с инвариантом-1а (как разновидностью первого): $A \rightarrow B$.

Двумя текстами-вариантами к последнему инварианту будут следующие:

- 1) *Андроны едут, (A) → когда-то будут! (B)*
- 2) *Крестись – (A) → Андроны едут. (B)*

Второй текст пословицы дается Далем как курский ее вариант. С точки зрения традиционной паремии подобные варианты одного и того же инварианта можно, хотя и несколько условно в данных случаях, отнести к деривациям синтаксического характера.

Часто в фонде пословиц мы сталкиваемся, в частности, и с синтаксическими деривациями инварианта-2: Не А(,) – В.

Сравним *синтаксические варианты* одного текста пословицы:

1) *Не теснота (А) губит, – лихота (В)*⁵.

2_а) *Не теснота (А) губит, – а лихота (В)*. 2_б) *Не теснота (А) теснит, – а лихота (В)*. Возможен также, хотя он Далем не зафиксирован, и такой вариант:

3) *Не теснота (А) губит, – но лихота (В)*.

При этом варианты 1, 2_а, 3 представляют собой собственно синтаксические дериваты одного инварианта – инварианта-2: 1) Не А, – В; 2_а) Не А, – а В; 3) Не А, – но В. Однако варианты 2_а и 2_б, являясь дериватами одного и того же инварианта-2, оказываются при этом дериватами уже не синтаксическими, а лексическими. В текстах-пословицах здесь происходит варьирование одной из конструктивных лексических единиц: *губит – теснит*. Первая из лексем, как видим, экспрессивно гораздо более окрашена.

Таким образом, вариант 2_а) *Не теснота (А) губит, – а лихота (В)* и вариант 2_б) *Не теснота (А) теснит, – а лихота (В)* суть текстовые проекции вербального уровня инварианта-2 (Не А – В), но уже с лексическими дериватами (5), о которых речь пойдет ниже. Тем самым это уже получают выделяемые нами деривации смешанного типа (6): синтаксические + лексические, в контексте одного и того же паремиологического инварианта.

1.2. В связи с вышеизложенным материалом следует оговорить также такие синтаксические деривации (1), как варианты собственно полных предложений-паремий, или языковых знаков в широком понимании (1.2), а также значимых единиц-конструктов, их составляющих, или языковых знаков второго порядка (1.3).

Так, простыми примерами возможной вариативности предложения-паремии представляются, допустим, для инварианта-3, такие пословицы:

1_а) *Спит лиса да видит курицу*. 1_б) *Спит сова да видит курицу*.

2_а) *Лиса спит, а кур видит*. 2_б) *Сова спит, а кур видит*.

3_а) *Спит лиса, а во сне кур считает*. 3_б) *Спит лиса, а во сне кур щиплет*.

4) *Кошка спит, а мышей видит*.

⁵ Здесь возможен также такой синтаксический вариант записи: *Не теснота губит – лихота*.

Очевидны деривации лексические (5) – *лиса = сова = кошка; видит (во сне) = считает = щиплет*. А в случаях примеров 1 (а, б) и 2 (а, б), 3 (а, б), 4 – также деривации синтаксические (1).

Отметим, что лексико-семантические (5 и 3) деривации как замещения в традиционном тексте (пословица, сказка, песня, игра) возможны исключительно в случае, если основанием для такой подмены является общий инвариант – т. е. один и тот же традиционный смысл, реализующийся в этих конкретных лексемах, наполняемых в фольклорной традиции мифологическим смыслом.

Но в то же самое время деривациями не являются для рассматриваемого нами выше инварианта-3, как видим, следующие тексты, восходящие к иным, семантически и синтаксически различным между собой, инвариантам паремиологической традиции. Такими представляются:

- 1) *Дурак спит, а счастье в головах лежит.*
- 2) *У вора заячье сердце: и спит и видит беду.*
- 3) *Одним ухом спит, другим слышит.*
- 4) *Спит собака, а во сне и хвостом вертит и влаивает.*

Интересной формой синтаксических дериваций (1) в сочетании с деривациями семантическими (3) и лексическими (5) в русских паремиях является такая, когда постоянной оказывается для разных текстов только половина ее (как наиболее значимая часть, конструктор А), другая же половина варьируется в речи, не нарушая общего смысла пословицы. Изменяемые части данного инварианта-4 (как элементы деривации, конструктор В) придают пословицам дополнительный семантический оттенок.

Характерно, что у неизменного, основного смыслового элемента, в тексте-паремии нет строго зафиксированного места:

1_а) *Брюхо – не лукошко: (А) → под лавку не сунешь. (В)* Где А – «брюхо есть просит, пустое и вместительное», а В – «под лавку не спрячешь его и о голоде не забудешь», например, «голодному не уснуть (на лавке)».

2₆₁) *Голод не тётка, (В) ← брюхо не лукошко. (А)* Где, соответственно, А – «брюхо есть просит, пустое и вместительное», а В – «о голоде не забудешь и сам он ничем не накормит, он тебе не добрая тётка», например, «пирожка не даст». 2₆₂) *Голод не тётка, (В) ← душа не сосед (не уйдёшь).* (А) Где, соответственно, А – «душа есть просит, от нее и голода не избавишься (как от надоедливой соседки)», а В – «о голоде не забудешь и сам он ничем не накормит, он тебе не добрая тётка, пирожка не даст».

2₆₃, 2₆₄, 2₆₅) *Голод не тётка (не тёща, не кума), (В) ← пирожка не подсунет.* (А) Где, соответственно, А – «от голода не избавишься, он тебе не добрая тётка», а В – «о голоде не забудешь и сам он ничем не накормит, пирожка не даст».

Сравним дериваты предыдущего инварианта с текстами-паремиями, полными или почти полными синтаксическими аналогами приведенных выше пословиц, но, однако, восходящими к семантически иным инвариантам фольклорной традиции:

1) *Работа не волк*, (В) → *в лес не убежит*. (А) Где В соотносимо с приметой «*волк дорогу перебежит – к счастью*», при семантическом неравенстве *волк* = / = *работа*, а А – представляется семантическим маркером «постоянства», со знаком плюс.

1б) *Работа не чёрт, в воду не уйдёт*. То же, но в неравенстве *чёрт* = / = *работа* и традиционным семантическим тождеством *лес – вода* (как «пространство нечеловеческого»).

2) *Счастье, что волк*: (В) → *обманет да в лес уйдёт*. (А) Где В соотносимо с приметой «*волк дорогу перебежит – к счастью*», при семантическом равенстве *волк* = *счастье*, а А – представляется семантическим маркером «постоянства», но, в отличие от паремии 1, со знаком минус.

К семантически иным инвариантам восходят также, в свою очередь, следующие пословицы:

1_а, 1_б) *Как волка ни корми, он всё к лесу (в лес) глядит*.

2) *Суббота не работа: помой, да помажь, да и спать ляжь!*

Для последней паремии, явно русскоязычной еврейской традиции, актуально семантическое неравенство *суббота* (начинается в *пятницу*, о которой и речь) \neq ⁶ *работа*, поскольку здесь такое неравенство равнозначно качественно иному равенству: *суббота* = (полный) *отдых*, когда религиозными законами «запрещены 39 видов работ».

Точно так же восходят к разным *инвариантам* традиции две следующие паремии, синтаксически и семантически весьма, на первый взгляд, похожие:

1) *Напусклив, что волк*, (В₁) *пакостлив, что кот*. (А₁)

2) *Блудлив, что кошка*, (А₂) *а труслив, как заяц*. (В₂)

Так, *волк* и *заяц*, иногда также как мифические *авось(ка)* и *небось(ка)*, в языке фольклора составляют семантическую оппозицию, по признакам *наглый – робкий*, *неосторожный – осторожный*. В то же время лексические единицы *кот – кошка* противопоставлены по половому и, соответственно, по *грамматическому признаку* (как деривации грамматического типа, 2). В паремиологии признаки *пакостлив(а)* – *блудлив(а)* равно относятся и к одному и к второй. Но в данных высказываниях-пословицах важна актуализация того или другого признака (как деривации семантического типа, 3).

⁶ Данный знак выражает неравенство, т. е. пословицы являются проекциями в фольклорной речи разных семантических инвариантов.

Для фольклора важно также семантическое тождество *волк = кот* (лексико-семантические деривации, 5 и 3; особенно в сказке и песне). Такого же явного тождества, однако, не наблюдается между *кошкой* и *зайцем*. Зато *мясо кошки* и *кролика* или *зайца* считаются не различимыми на вкус и на вид, а потому в традиции, причем в культурно-языковой традиции общеевропейской, обнаруживаем качественно иное тождество: *кошатина = крольчатина = зайчатина*. Достаточно вспомнить французское *ragu из фальшивого зайца*, т. е. *из кошатины* (мяса пойманной и убитой кошки).

Приведем еще несколько примеров паремиологических высказываний. Возьмем следующие тексты, традиционно семантически близкие, а также имеющие определенное сходство в своем синтаксическом оформлении. Но дериватами они не являются, поскольку восходят к разным *инвариантам*:

- 1) *Кто вино любит, тот сам себя губит.* (инвариант-5)
- 2) *Дураку воля, что умному доля: сам себя губит.* (инвариант-6)
- 3) *Воля губит, неволя изводит.* (инвариант-7)

В то же время, лексема *губит*, будучи значимым метазнаком-конструктом различных традиционных текстов-высказываний, оказывается реализацией разных оттенков одного традиционного смысла (деструкция сущего как конец жизненной силы, креативной потенции).

При этом к инварианту-5 можно считать в части своей *лексическими* (5), но во всех приведенных случаях семантическими (3) дериватами следующие тексты-паремии:

- 1_а) *Вино ремеслу не товарищ.* 1_б) *Вино уму не товарищ.* 1_{б1}) *Вино с разумом не ладит.* 1_в) *Испей винца, позабудь отца!*
- 2) *Вино друг: обойдет вокруг* (обманет).
- 3_а) *Вино вино творит.* 3_{б1}, 3_{б2}) *Не винит вино, винит пьянство* (вариант: *а винопийство*).
- 4) *Потерял честь вином.*

Одновременно с тем, можно считать дериватами одного инварианта тексты третьего типа (инвариант-7). Ими будут, в частности, следующие паремии:

- 3_а) *Воля губит, неволя изводит.* 3_б) *Неволя крушит, а воля губит.*

1.3. В паремиологических текстах может принимать деривативные формы также то или иное устойчивое словосочетание, например:

- 1_а) *Так пьян, что через губу не плюнет.* 1_{а1}) *Пьяный дальше губы не плюнет.* 1_{а2}) *Пьяный через губу не плюнет.* 1_б) *Пьяный не свистнет.*

В данных единицах языка русской традиции мы сталкиваемся как с *синтаксическими* (1) и *лексическими* (5) *деривациями*, так и с *деривациями грамматическими* (2). Варьируется при этом также *семантика* (3) близких по форме и по смыслу высказываний.

1.4. К одному инварианту могут восходить также разные паремии, включающие *синтаксические дериваты* его лишь как фрагмент полного предложения-высказывания. Так, к примеру, возьмем инвариант-8: аль – А?

Деривативными для данного инварианта будут следующие паремии как традиционные синтаксические конструкции:

- 1) *Аль чарой зелена вина кто обнёс тебя?*
- 2) *Аль мне не людская часть?*
- 3) *Аль на нашу денежку прах пал?*
- 4_а) *Аль глаза отсидел?* 4_б) *Аль глаза в очешник схоронил?* 4_{а1}) *Аль ты уши отсидел?* 4_{б1}) *Аль ты бородой оброс, не слышишь?*
- 5) *Аль тебе в лесу лесу мало?*
- 6) *Аль в людях людей нет?*
- 7) *Аль ты слова не доищешься?*
- 8) *Аль я сосновый пол протоптала, дубовы лавки просидела?*

Обратим внимание на то, что, при полной формальной (синтаксической) идентичности и внешнем семантическом сходстве, паремии 5 и 6, однако, не являются вариантами одного и того же высказывания. В первом случае (паремия 5) следует понимать «разве тебе этого мало?» или «ну чего еще тебе надобно, не хватает в жизни?». Ср.: Только птичьего молока не хватает!

Во втором случае (паремия 6) смысл иной – «людей не видишь, ценить их не умеешь».

Семантико-лексическим вариантом этого текста-паремии, с проекцией общего традиционного смысла, будут:

- 1_а) *За лесом деревьев не видит.* 1_б) *Из-за лесу дерева не видит.*
- 2) *Из-за леса стоячего не видать лесу лежачего.*

А следующие тексты-пословицы, например, вариантами паремии 6 уже не являются, поскольку реализуют другие традиционные смыслы:

1_а) *За чужими канунами своих покойников поминает.* 1_б, 1_в) *За чужим кануном своих родителей (покойников) поминает.*

2_а) *За лесом видит, а под лесом нет.* 2_б) *За лесом видит, а под носом не видит.*

3_а) *Рукавиц ищет, а двои за поясом.* 3_б) *Яким простота: рукавицы за поясом, а других ищет.* 3_в) *Емеля простота!* 3_г) *Хватъ, похватъ, нет рукавиц: а они у него за поясом.* 3_д) *Чухломский рукосуй: рукавиц ищет, а они за поясом.* 3_е) *Шут Мартын: рукавиц ищет, а двои за поясом торчат.* 3_ж) *Рукавицы за поясом, а он их ищет.*

Разновидностью рассматриваемых дериватов (инварианта-8 аль – А?) будет удвоение в предложении синтаксического конструкта, т.е. аль (али) – А, аль (али) – А?:

- 1) *Али мы тебя не любили, али чем прогневали?* (Плач по покойнику.)

Другой их разновидностью (Б аль – А?; А аль – В?) будут следующие паремии:

- 1) *На загадки идёшь аль на золоту казну* (т. е. откупаешься)?
- 2) *Дела пытаешь аль от дела лытаешь.*
- 3) *Ель аль сосна* (т. е. да или нет, согласие или отказ).
- 4) *Бок аль жох* (род жеребья, в бабках).
- 5) *Копьё аль решето* (от игры в орлянку).
- 6) *Что вы, цари ли царевичи аль короли-королевичи?*

При этом предложения-формулы конания и иных игровых вопросов можно рассматривать как варианты одного паремиологического текста (общего смысла).

Разновидностями дериватов инварианта-8 также будут следующие:

- 1) *Аль мой двор съезжим творится, что в него всяк валится?*
- 2) *Аль я хуже людей, что везде стоя пью?*
- 3) *Аль моя плешь наковальня, что в неё всяк толчёт?*
- 4) *Аль я виновата, что рубаха дыровата?*
- 5) *Аль моя плешь наковальня, что всяк по ней бьёт?*
- 6) *Аль забыли, как в старину любили (как прежде любили).*

И синтаксическими дериватами (1), причем разнотипными, для этого же инварианта-8 будут и такие:

- 1) *Аль я не рождён, не крещён, аль я чужой век заел?!*
- 2) *Что зубы ощерил? Аль железо увидел?*
- 3) *Что, аль живьём проглотил? – Гляди, не поперхнись!*
- 4) *Что исхудал? сам лежал, аль над болью сидел?*
- 5) *Что не ешь? Аль крестить звали?*
- 6) *Что нахохлился? аль врага чуешь?*

Тем самым, мы проиллюстрировали, каким образом понятие деривативных форм и изменений может быть применимо при описательном анализе традиционных текстов паремиологического фонда. Постарались показать, что и для этого специфического языкового материала возможно и продуктивно использование лингвистического термина деривация «как обобщенного термина для обозначения словоизменения (*inflection*) и словообразования (*word-formation*) вместе взятых, либо как названия для процессов (реже результатов) образования в языке любых вторичных знаков, в том числе предложений», как знака языкового (ЛЭС 1990: 129).

При этом новообразованные языковые знаки, *варианты текстов-пословиц*, могут быть объяснены с помощью единиц, или *инвариантов*, принятых за исходные. Или же могут быть выведены из них путем применения определенных правил, операций – что и было конспективно показано выше, насколько позволил нам ограниченный объем статьи. В завершении кратко приведем еще несколько примеров, иллюстрирующих деривативные процессы, свойственные русской паремиологии.

2. Грамматические деривации. Здесь рассмотрим, в частности, такие варианты паремий:

1_а) *Пуганая ворона и куста боится*. 1_б) *Пугана ворона и куста боится*.

В первом случае используется полная форма причастия, а во втором краткая. И мы в этих случаях говорим о формах причастия, а не имени прилагательного, поскольку данные пословицы сохраняют исторически форму *пуганая* («та, которую не раз пугали»). И она, форма, предшествует более позднему закреплению в устной речи устойчивого выражения *пуганая ворона*: имя существительное + имя прилагательное.

А вот несколько отличные варианты, в которых мы находим не только грамматические (2), но также и лексические деривации (5):

2_а) *Из куста шипуля за ногу тупуля (змея)*. 2_б, 2_в) *Из-за куста и ворона (вариант: и свинья) остра*. Грамматические дериваты: *из куста – из-за куста* («место, где прячутся, подкарауливают случайного прохожего»). Лексические дериваты: *шипуля – ворона – свинья*.

В случае вариантов 2 мы сталкиваемся и с деривациями смешанного типа (6): *за ногу тупуля* (словосочетание, в основе которого – отглагольное существительное; *тупуля* от *тяпнуть*, *тяпнуть за ногу* кого) и *остра* (краткая форма имени прилагательного). Деривации синтаксические + грамматические + лексические: и словосочетание (сущ., им. п. + сущ., вин. п.) и краткая форма имени прилагательного исполняют в традиционных предложениях-высказываниях роль части именного сказуемого.

3. Семантические деривации. Это наиболее сложный для описания тип паремиологических дериваций, поскольку он мотивирован в любой культурной, языковой и фольклорной, традиции архаикой мифологических представлений о мире и месте в нем человека (Надель-Червинская 1996, 2: 315–456; Червинская 1999).

В большинстве своем они тесно связаны также с деривациями лексическими (5), а иногда и с деривациями стилистического характера (4). Напомним, что инвариантом в подобных случаях всегда будет не текст в целом, а традиционный смысл, варьироваться же будут в высказывании-паремии отдельные лексемы или же устойчивые – для языка данного фольклора – словосочетания. Поэтому ограничимся в этом случае выборочными примерами.

Так, наглядным примером могут служить такие пословицы:

1_а) *Смирного волка и телята лизжут*. 1_б) *Плохого Бога и телята лизжут*.

Семантическое тождество *волк = Бог* мотивировано, в частности, древними восточнославянскими представлениями о том, что *лютый волк* (лесной зверь) и *Никола-всезаступник* (святой чудотворец; хранящий моряков и путников, но также помогающий разбойникам, ворам, ночным

шалым людям) – это две личины одного древнего языческого божества. Есть свидетельства также о существовании древней иконы св. Николы, условно называемой «Бог, в волчьей шерсти». В противоположность ему в языке существует *волк в овечьей шкуре*. В этом же контексте *смирный (волк) = плохой (Бог)* понимается как «утрата магической силы». Настоящий Бог должен быть «грозен и беспощаден».

Сравним также с иными *лексико-семантическими дериватами* (3 и 5) в паремиологических текстах, напрямую, кстати сказать, связанными с вышеописанными. Так, в пословицах восточных славян мы обнаруживаем семантическое тождество *вор = воробей = волк (= ворон = монах = поп; последние по признаку «чёрный», традиционно в язычестве «ритуально нечистый»)*.

Поскольку примеров тому множество, приведем лишь некоторые:

- 1) *Есть в нём серой шерсти клоч* (т. е. вор).
- 2) *Малый вор бежит, большой лежит*.
- 3) *На лес и поп вор* (т. е. всякий дрова ворует).
- 4) *Завтра вор авоська обманет, в лес уйдёт*.
- 5) *Вор воробей домосед, а люди не хвалят*.
- 6) *Сам наперёд бежит, а кричит: держи вора!* А также: *держи волка!*
- 7) *От вора отобьюсь, от приказного откуплюсь, от попа не отмолюсь*.
- 8) *Сова кума, воробей зятёк*.

В русской сказке в таких же отношениях состоят *лиса* и *волк*. Тем самым мы снова имеем дело с лексическими деривациями (5).

4. Стилистические деривации. Стилистические варианты паремий встречаются редко – обычно с пометами: устаревшее (возможно старославянское), книжное, высокий стиль или же разговорно-сниженное, диалектное, грубое, вульгарное, обценничное.

Вот несколько примеров, с *деривациями смешанного типа* (6):

1_а) *Наука учит только умного*. (Книжное) 1_б) *Наука не пиво, в рот не вольёшь*. (Стилистически сниженное)

2_а) *Всякая птица свои песни поет*. (Устаревшее, книжное) 2_б) *Каждый кулик свое болото хвалит*. (Разговорно-сниженное, грубоватое) 2_в) *Всякая лисица хвост свой хвалит*. (Стилистически сниженное, с оттенком устарелости.)

3_а) *Выше себя не прыгнешь*. (С оттенком книжности) 3_б, 3_в, 3_г) *До неба (или до небес, до звезд) не доплунешь*. (Стилистически сниженное) 3_д) *До звезд (до звезды, до месяца) рукой не достанешь*. (Устаревшее, книжное) 3_е) *Выше гузна не перди*. (Грубое, вульгарное) 3_ж) *Выше жопы не пернешь*. (Грубое, вульгарное) 3_з) *Выше хуя не прыгнешь*. (Обценнизм)

Как видим, пословицы типа 1, 2 и 3 восходят к трем разным вариантам. Для высказываний типа 3 характерны оттеночные семантические деривации (3), подробный анализ которых в условиях одной небольшой статьи представляется невозможным, в силу его особой сложности.

5. Лексические деривации. Поскольку о них мы уже говорили выше, то здесь приведем только несколько выразительных примеров:

1_а) *Из ивового куста – либо дрозд, либо сорока.* 1_б) *Из куста шипуля за ногу шипуля (змея).* 1_в, 1_г) *Из-за куста и ворона (вариант: и свинья) остра.*

2_а, 2_б, 2_в) *Согнуть кого в дугу (или: в три дуги; в три погибели).* Имеется в виду «нагрузками, непосильным трудом, тяжелой работой». 2_г, 2_д, 2_е) *Согнуть кого в бараний рог (или: в три дуги; в три погибели).* Здесь смысл иной: «наказать, унижить, усмирить».

3_а, 3_б) *В три погибели согнулся (или: согнуло; жизнью, бедой, горем, болезнью, тяжелой работой).* 3_в, 3_г, 3_д) *Согнуться в три погибели (или: в крюк; в дугу), от того же, в основном.*

6. Деривации смешанного типа. Поскольку они уже были в статье довольно подробно рассмотрены, повторяться не будем.

Дальнейшей перспективой нашей работы видится выявление и описание всех типов *инвариантов*, характерных для русского паремнологического фонда. Соответственно возможен, как результат, и еще один подход к классификации *малых форм* языка фольклора, учитывающий не только семантический, но и синтаксический принцип образования *традиционных высказываний* (паремий).

ЛИТЕРАТУРА

- USJP – *Uniwersalny słownik języka polskiego* (2005), S. Dubisz, Warszawa.
- ЛЭС – *Лингвистический энциклопедический словарь* (1990), ред. В. Н. Ярцева, Москва.
- Падучева Е. В. (1966), *Отождествление и различение упоминаемых объектов как одна из проблем анализа связного текста.* [в:] *Тезисы III Всесоюзной конференции по ИПС и автоматизированной обработке НТИ*, Москва.
- Падучева Е. В. (1967), *Выражение тождества упоминаемых объектов как одна из проблем синтеза языкового текста,* [в:] *III Всесоюзная конференция по ИПС и автоматизированной обработке НТИ*, т. 2, Москва.
- Падучева Е. В. (1973), *Анафорические связи и глубинная структура текста,* [в:] *Проблемы грамматического моделирования*, Москва.
- Падучева Е. В. (1977), *О семантических связях между басней и моралью,* [в:] *Труды по знаковым системам*, т. 9, Тарту.
- Падучева Е. В. (1985), *Высказывание и его соотношенность с действительностью,* Москва.

- Червинский П. П.** (1989), *Семантический язык фольклорной традиции*, Ростов-на-Дону.
- Надель-Червинская М. А.** (1996) *Профанный и сакральный уровни фольклорного текста*, [в:] **Надель-Червинская М. А., Червинский П. П.** (1996), *Энциклопедический мир Владимира Даля. Книга первая: Птицы*, т. 1–2, Ростов-на-Дону.
- Червинская М.** (1999), *Парадигматика традиционных смыслов русской паремологии*, [в:] *Słowotwórstwo, semantyka i składnia języków słowiańskich*, т. 1, red. M. Blicharski, H. Fontański, Katowice.

Margarita Nadel-Chervinsky

**RUSSIAN PAREMIA: FORMS OF DERIVATION
OF THE TRADITIONAL STATEMENT**

S u m m a r y

Functioning today in the alive modern language of the plemies and them constructs remain relicts fallen asleep in time and outside of time of a national cultural and language formation. It can be defined as semantic language of folklore. Language of folklore represents harmonous metasign system of over-verbal level. In its basis lays archaic mythological representations of cultural and national society. For this system lexemes, as constructive units of the folklore text, and their semantic filling in a metalanguage context of folklore are not important.